- Предисловие
- * (Вступление)
- 1
- 1. Песнь молодой жене
- 2. Пришелец вступил в город
- 3. Плач
- 4. Молния
- 5. Пришелец ревнует к красоте своей жены
- 6. Крот
- 7. Пир (субботняя трапеза)
- 8. Просьба о прощении
- 2
- 1. Песнь лжи
- 2. Песнь радости глаз
- 3. Песнь света
- 4. Песнь пляски
- 3
- 1. Бубен
- 2. Пришелец помнит своих друзей
- 3. Прогулка на ветру
- 4
- 1. Сказ о глупом и мудром
- 2. Куда девать стыд?
- 3. Предатель
- 5
- 1. Песнь упокоения
- 2. Когда видящих скроет тьма
- 3. Молитва о мести
- 4. Заклинание
- 5. Подполье
- 6
- 1. Песнь знамений
- 2. Кончина отца
- 3. На земле камней
- 7

- 1. Ночь осады
- 2. Рассвет
- 3. Город пал
- 4. Заключение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

Натан Альтерман

Радость бедных

Содержание

Предисловие

"Радость бедных"

* (**Вступление**)

Глава 1
1. Песнь молодой жене
2. Пришелец вступил в город
3. Плач
4. Молния
5. Пришелец ревнует к красоте своей жены
6. Крот
7. Пир (субботняя трапеза)
8. Просьба о прощении

Глава 2
1. Песнь лжи
2. Песнь радости глаз
3. Песнь света
4. Песнь пляски

Глава 3
1. Бубен
2. Пришелец помнит своих друзей
3. Прогулка на ветру

Глава 4
1. Сказ о глупом и мудром
2. Куда девать стыд?
3. Предатель

Глава 5
1. Песнь упокоения
2. Когда видящих скроет тьма
3. Молитва о мести
4. Заклинание
5. Подполье

Глава 6

1. Песнь знамений
2. Кончина отца
3. На земле камней

Глава 7
1. Ночь осады
2. Рассвет
3. Город пал
4. Заключение

Послесловие
Примечания

Предисловие

Весной 1941г. увидела свет "Радость бедных" – большое произведение Натана Альтермана, оставившее глубокий отпечаток в сознании целых поколений любителей поэзии, комментаторов и исследователей. Сильное впечатление от него среди юных и взрослых читателей связано, в том числе, с неразрешёнными загадками, скрытыми в нём, с простёртым над ним покровом тайны.

Например, известный критик Дан Мирон утверждал в 1981г., что "до сих пор не найдено никакого объяснения, способного в убедительной форме разрешить трудности, которые оно вызывает", и потому "Радость бедных" представляет собой, по его словам, "самый сложный объект не только среди произведений Альтермана, но и вообще в современной ивритской поэзии." Двумя годами позже профессор Боаз Арпали тоже говорил о "загадочности названия и составляющих текста" . А Мордехай Шалев пошёл дальше, представив основную проблему в статье, посвящённой вовсе не "Радости бедных" Альтермана, а "В ожидании Годо" Беккета :

"Предназначены ли современные литературные загадки для того, чтобы их решать, или они преднамеренно останавлива-ются на этапе введения в заблуждение? Имеются ли вообще логико-лингвистические эквиваленты, позволяющие определить и понять их? Или по своему характеру они предназначены дать возможность читателю заглянуть в как бы религиозный мир, где эти категории нерелевантны и всякая попытка навязать их искажает самую их суть?"

Однако, именно Б.Арпали [3,7,8] и М.Шалев [4,1] предложили две концепции для объяснения глубинного смысла поэмы (см. Послесловие).

Еврейская молодёжь, которая была пленена стихами книги "Звёзды вовне" Натана Альтермана, вышедшей в свет в 1938г., – это то же "поколение земли", которое получило в свои руки в 1941г. "Радость бедных" – произведение другого времени и изменившегося

Альтермана (несмотря на сохранившиеся основы). Поэзия, нагруженная языком древних источников, таинственная тем, что в ней ясно, и ещё больше тем, что в ней скрыто. Внешние опасности, очевидные до ужаса. Тайна расколотого единства двух людей, их взаимозависимость, ревность и любовь, насыщенные страстями, между "живым мертвецом" (бедняком) и его женой (она же "дочь").

Поэт Хаим Гури спросил Альтермана о смысле названия "Радость бедных". Альтерман ответил: "Пришла страшная буря, и люди задают себе вопрос: что останется от духовных ценностей, накопленных человечеством, от искусства, дружбы, любви, отношений между отцом и сыном, между мужчиной и женщиной? И вот попытка ответить на этот вопрос: останется жизнь в разгаре смерти, клятва верности, память, надежда, продолжение."

В 1940г. Альтерман боялся, прежде всего, почти неизбежной гибели еврейского ишува (населения) в Палестине (Земле Израиля) от рук немецко-итальянско-арабско-французской (вишистской) коалиции (Армия Роммеля в Египте, итальянские бомбардировки Тель-Авива, ожидаемое вторжение из Сирии). Но в то же время ужасная опасность грозила как европейскому еврейству, поскольку Польша и часть Восточной и Западной Европы были уже фактически в руках нацистов, так и всей гуманистической цивилизации в случае победы идей рассизма, тоталитаризма и нигилизма.

Альтерман хотел дать духовное оружие тем, кто не желал подчиняться этим силам и предпочёл бы смерть в борьбе, где сама смерть, как ни парадоксально, может стать победой жизни и духовных ценностей. По сути дела, Альтерман ставит гамлетовский вопрос: достойно ли терпеть безропотно позор судьбы иль нужно оказать сопротивленье, восстать, вооружиться, победить или погибнуть?

Книга состоит как бы из двух частей. Две первые главы – личная драма ревности и сложных отношений между пришель-цем с того света и его молодой вдовой. Накал страстей заставляет вспомнить строки из "Песнь песней": сильна, как смерть, любовь, как преисподняя – люта ревность.

В последующих главах добавляется тема надвигающейся трагедии планетарного масштаба – распространения власти фашизма и вероятной катастрофы еврейства, как в Европе, так и на Земле Израиля. К двум главным героям здесь добавляются и мертвецы "подполья", и живые братья главной героини, готовые стоять насмерть в предстоящем штурме города. Тем не менее, автора не покидает надежда на последующее "великое спасение" еврейского народа и всей цивилизации.

* * *

Текст книги строится на необычайно богатом фундаменте – как еврейском (от ТАНАХа, Талмуда, молитв, песнопений, через еврейскую поэзию средневековой Испании и фольклор, до Бялика и Бренера), так и европейском-христианском (Новый Завет, английские и французские баллады, пьесы Шекспира, романтическая литература, романтическая и символистская рус-ская поэзия и т.д.). По форме – это модернистская поэма с элементами баллады.

Многие стихотворения в книге "начинаются за здравие, а кончаются за упокой" в прямом и переносном смысле, в ней не-мало оксюморонов, но "Радость бедных" – книга не абсурдов (противоречий здравому смыслу и природе вещей), а парадоксов (которые при более глубоком осмыслении выясняются как истина, сложная для понимания).

Название поэмы заимствовано из стихотворения средневекового поэта, которого называли Шмуэль а-Нагид[1]. Хана Ривлина писала: "Напряжение, существующее в этом выражении между бедностью и радостью, амбивалентность, осознание каждого из этих понятий в отдельности и во взаимосвязи – в этом, в широком смысле, значение произведения Альтермана. Насколько мне известно, после Шмуэля а-Нагид до Альтермана это выражение не использовалось."

[1] ***Шмуэль а-Нагид (полководец) – один из самых значительных еврейских поэтов средневековой Испании (993-1056г.г.). В течение 30 лет был великим визирем мусульманского княжества Гранада, успешным командующим армией и министром***

финансов. Писал стихи на семи языках. Всячески способствовал развитию еврейской общины и иврита. Во дворе его резиденции находился фонтан, поддерживаемый 12 львами, впоследствии перенесенный во дворец Альгамбра. Выражение "радость бедных" взято из его стихотворения "Боже силы, Бог ревнивый и грозный": "И итог дня – избавление, день празднования, как день радости бедных после жатвы". (В ТАНАХе – Писания. Книга Псалмов, 126, 5 – сказано: "сеявшие в слезах жать будут с пением").

В соединении актуального и вневременного, национального и общечеловеческого кроется, по всей видимости, секрет си-лы этого таинственного произведения, единственного в своём роде. В нём современная ивритская поэзия достигла одной из самых высоких вершин в своём развитии.

* * *

При переводе не делалось попыток передавать цитаты из древних источников, которыми изобилует поэма (редакторы приводят около 200) в их установившихся переводах на русский язык. Это практически неисполнимо в рамках стихотворного текста, и, кроме того, знакомство русскоязычных читателей с этими текстами далеко от уровня, позволяющего по памяти определять источник цитаты. Минимально необходимое количество цитат дано в примечаниях.

В приводимом тексте поэмы на иврите сохранена орфография пятого, прижизненного издания 1955-56г.г.

Я благодарю ведущих форума интернет-сайта "Натан Альтерман" за разъяснение тёмных для меня вопросов.

Адольф Гоман

* (Вступление)

Пришла Радость бедных. Стучится в дверь .
Сколько бедный-как-мёртвый ждал!
Принесла Радость лиры [2]. И вот теперь
Этот радостный час настал.

И сказал: "Как я счастлив сейчас,
Радость бедных услышал хоть раз."

И, уснув на соломе, ограблен дотла,
Он мечтал до утра лишь о ней.
Слаще мести и тела больнее была, [3]
И последней овечки белей.[4]

И сказал: "Как я счастлив сейчас,
Что нашла меня в этот раз."

И сказала: "Не гость, не помощник я, нет.
Недруг близок, встречай беду.
Час последний настал твой, и скоро вслед
За несущими гроб пойду."

"К тем, кто мучил меня что есть сил,
Как вернёшься ты, Радость?" – спросил.

И сказала: "С тобою пойду до конца.
Как живому должна долг отдать.
Моего ты не видел при жизни лица,
И до смерти врагам не видать."

И сказал: "Будет мир и покой.
Ведь теперь Радость бедных со мной".

1

1. Песнь молодой жене

[5]

Нет, не всё суета сует, [6]
Нет, не всё, - говорю тебе я.
И деньгам мог сказать я "нет",
И года сжигал не жалея.
За тобой шёл, девочка, вслед,
Как идёт за верёвкой шея.

Ты решила платочек надеть
И сказала: "Теперь не забудет!"
Дал зарок я не есть хлеба впредь,
Пока рот твоей плотью сыт будет,
Дал зарок на тебя лишь смотреть,
Пока силы в глазах не убудет.

Но болезнь порвала цепь дней,
Нищету ты со мной узнала,
Она дочерью стала моей,
А болезнь моим домом стала.
И мы стали собаки бедней,
И собака от нас бежала.

И поднялся металл, и срубил
Мою голову вмиг с твоей шеи.
Ничего не осталось, лишь был
Под ногами мой прах рассеян.
И железо лишится сил,
Только страсть к тебе не слабеет.

Тело хрупко, крошится, как мел,
Но не знает предела сила.
В жизни счастья я не имел,
Мне земля постель постелила.

Но в веселья час среди дел
Встретишь взгляд из моей могилы.

Ещё ждёт нас радости свет,
Души, девочка, нам согреет,
И с земли, что нам дал завет [7],
Ты ко мне сойдёшь холодея.
Нет, не всё суета сует,
Нет, не всё, - говорю тебе я.

2. Пришелец вступил в город

Город в осаде. Никто не пройдёт.
Но я обойду охрану.
Я, бедный-как-мёртвый, найду проход.
У твоей двери, спящая, встану.

Не рука, состраданье моё
Защитит, как огонь и копьё,
Укрепит, когда кончится время твоё.
Я – свидетель, помнящий всё.

Чтоб свечой угасла ты, буду желать,
Чтоб приблизил меч день расплаты.
Но стану пороги весь день обивать,
Чтоб вечер ещё прожила ты.

Хлеба кусок принесу,
Имя твоё вознесу.
К иссохшим губам прильну свежей водой
Я, полный заботы, седой.

Не спасёт от несчастья живого живой,
Но ты будешь любовью укрыта,
Беспощадной, нездешней любви пеленой,
Как грабёж среди дня открытой.

Поклянись всем, что свято тебе,
Черпать силы в ужасной беде.
А, когда не хватит и сил любви,
Меня, кто после всего, зови.

Город в осаде. Никто не пройдёт.
Но я не вернусь обратно.

За тебя, - ей клятву мертвец даёт, -
У двери умру семикратно.

Как огонь и копьё, защищу,
Силой свыше людской награжу,
А когда твоё время придёт, как свечу, -
Я, чуждый – тебя погашу.

3. Плач

Я слышал, как ты ночью плакала одна,
К подушке прижимаясь ртом.
Хотел я этой ночью, стоя у окна,
С тобою быть, хотя бы за стеклом.

Во тьме я видел скорбь твою, как в ясный день,
И руки, исхудавшие в беде.
И судорога боли била мою тень,
А кости рвались подойти к тебе.

О девочка моя! В оковах нищеты
Надежду потерявшая давно,
Сквозь слёзы на меня в окно смотрела ты –
Прозрачного, пустого, как оно.

Ты знала, ночь кругом – без ветра, без огня,
И лишь моя душа стучится в дверь.
Ты обо мне рыдала так, будто меня
Избрал своей добычей хищный зверь.

Я иногда бреду, как громом поражён,
Незрячих страх не в силах победить,
Когда ты вдруг зовёшь меня со всех сторон,
Как мальчик, над слепцом решивший подшутить.

В убогом доме слова некому сказать.
Не двигаясь и не открыв лица,
Ты, голубь жертвенный[8], осуждена рыдать
Без памяти, без мысли – до конца.

Ты плакала в подушку в сумраке ночном.

Катились твои слёзы с век моих.
Поставь обидчиков твоих к окну лицом,
Дай дотянуться мне до горла их!

Мои несчастья мне теперь вовек нести,
Но плач твой вынести мозг не способен мой.
Плач остаётся в нашем доме взаперти.
Как во грехе - наедине с тобой!

Жена моя!.. Ты тьмой укрыта до утра.
Не шелохнусь, лицом к стеклу прижат.
Ты спишь, подушка у тебя от слёз мокра,
И только кости мести дробь стучат.

4. Молния

И даже шум дождя тебя не разбудил.
Швыряет буря струи в темноте ночной,
Холодный молний свет твой город ослепил
Безумием огня и красотой.

Смерть в этом свете, вечности мороз.
Как стены, рухнет вмиг - и строит вновь мосты.
Навис над домом он, как бич. В нем семь полос –
От золотистых искр до черноты.

Вот юности напор – ночь молний и воды!
Ночь силы! На лице твоём исчезла тень.
Такою в юности мечтали видеть мы
И жаждали тебя в субботний день.

Ещё взгляну, ещё. Пугать не буду я.
Ты спишь без снов. Вокруг всё сплошь – огонь, вода.
Я счастьем, юностью наполню всю тебя,
Но не узнаешь ты их больше никогда.

И я тебя украшу мёртвою красой,
Усмешкой слабою потрескавшихся губ.
Снаружи, девочка, столб молнии косой.
Я ослеплён, и дом до самых труб.

5. Пришелец ревнует к красоте своей жены

В праздник наряд не оденешь свой,
Рада не будешь вовек.
От соблазнов и лести закрыта стеной,
Чтобы не был с тобой ни один живой,
Чтоб не видела солнца, улыбки людской,
Обведу кру́гом тайным тебя я навек,
И буду, как коршун, кружить над тобой,
Чтоб ты не смеялась вовек.

Если в доме спастись замыслишь
И с друзьями побыть допоздна,
Не спасёшься, везде услышишь:
Коршун ищет: "Жена, жена!"

До бёдер, с земли до сокровища ног
Если б мог вновь увидеть тебя!
За тобою слежу я, как враг и как рок,
Чтоб никто завладеть тобой больше не мог.
Сладость рта, плеч тепло, блеск ногтей и серёг...
Враг – кто видит тебя, ты - обитель моя.
И рассеется пыль с твоих тяжких дорог,
И из пыли взгляну любя.

Если в чью-то постель заберёшься,
Будешь думать, что ты с ним одна,
От всевидящих глаз не спасёшься
И от зова: "Жена, жена!"

От взглядов, от пальцев, от вздохов чужих
Моя ревность хранит, как мать.
Иссушу твоё тело и душу, и их
Возжелать не придёт ни единый из них.

Ужаснёшься до срока от прядей седых,
Ветер сдует любовников хищную рать.
Не забудешь меня, пока стон твой не стих,
Супруга моя и мать.

И, когда потемнеет разум,
Сеть мою проклянёшь со дна.
Потеряю, что было, разом,
Кроме крика "жена, жена!"

6. Крот

Я не зря тебе в верности клялся,
Рад быть щёткой твоим каблукам.
Я из глуби рыл ход, поднимался,
Словно крот – заколдован, упрям.

Ты и боль головы моей лысой,
Ты и скорбь моих длинных ногтей.
Меня в тре́ске стен старых услышишь,
В скрипе пола средь мрака ночей.

Против зеркала в раме из меди
Свет свечи твоей бедной нетлен.
Смотрят ночи, как злые соседи,
На тебя из укрытий и стен.

Мы с кротом к дому скрытно проникли,
Чтоб украсть, словно колос,тебя,
Но застыли не видя, поникли,
Ослеплённые нимбом огня.

*

Я не зря тебе в верности клялся,
Мне в тоске землю рыть суждено:
Твоей жизни во тьме добивался.
Ведь живой – он мираж, колдовство.

Что в тебе есть? Зачем унижался,
Как идёшь, как стоишь, вспоминал.
Дорожил мелочами, боялся,
Счастлив был за тебя и дрожал:

О тебе моя мысль, и под небом
От той мысли дрожу я в ночи:
Только б ты не осталась без хлеба,
Миски супа и света свечи.

Я б хотел целовать твои руки –
Слаб и стар, как стара твоя мать.
И на мне твоя бедность и муки.
Ни спасенья, ни сна мне не знать.

Ты и боль головы моей лысой,
Ты и скорбь моих длинных ногтей.
От тоски не уйти ненавистной,
От заботы и думы моей.

Ибо никнешь уже, словно колос,
И осада вокруг на холмах.
Я и крот, мы слепы, дыбом волос,
И застыл в нас убийственный страх.

Отражаясь, колеблясь, двоится
Свет свечи за зеркальным стеклом,
И ты видишь во тьме наши лица,
Знаешь, мы от тебя не уйдём.

Потому, что весь мир наш раздвоен,
И вдвойне мы скорбим оттого,
Что нет дома без мёртвого в доме,
И нет мёртвых, забывших его.

Чудо – жизнь наша в доме унылом,
Мёртвых мыслями полнится он,
Чей настойчивый взгляд из могилы
На жилища живых устремлён.

7. Пир (субботняя трапеза)

Вот бокал вина, свечи рядом.
Хлеб восславит молитва твоя.
Обвела ты пустой дом свой взглядом,
Твёрдо зная, что гость твой – я.

Приди, Радость, гостьей к столу бедняка!
Будь свят этот день вовек!
Как свет, что лежит на лице бедняка,
Трепещет в душе человек.

Твои руки белы, как прежде,
Но браслета нет и следа.
Белый фартук скрывает одежду,
А моя, та всегда бела.

Садись рядом, Радость,всем место есть тут!
Будешь с нами и есть, и пить.
Сто, девочка, ласковых слов тебя ждут,
Но некому их повторить.

Всё вино на столе осталось,
Хлеб не тронут. Платок в руках.
Только сердце твоё надрывалось,
И от радости пира в слезах.

Ибо радость сильна на пиру бедняка.
Вовек будет свят этот день!
Недвижно, без звука сияет бокал,
Дрожат на лице свет и тень.

Свечи гаснут с бокалами рядом,
Лишь вино сохраняет покой.

Обвела дом пустой свой взглядом
И заплакала: праздник какой!

И сказала: "Как ты, Радость бедных, сильна!
Тебя вынести сил наших нет.
Знать, и здесь не для радости жизнь нам дана,
И с собой не возьмёшь на тот свет."

8. Просьба о прощении

Исчезла краса твоя, дочь.
Нести груз несчастий невмочь.
Бежит утешение прочь.
И ни звука! Да будет ночь!

Без предела беда росла,
Изнуряла и смерть несла.
Я смотрел, как течёт слеза,
И не мог отвести глаза.

Страх и стыд ты прошла без слов.
Больше вынесла, чем Иов.
Как мертвец, одна в мире снов.
Жалок тот, кто судить готов.

Я злой речью тебя утомил,
Мелочами тебе докучал.
К горлу ужас беды подступил.
"До конца я с тобою," - сказал.
Но молчала ты тише могил,
Так, как город в осаде молчал.

Я жесток. Ты устала, больна,
Исчерпала все силы до дна.
Сын уснул. Ты сидишь у окна,
И никто не придёт. Одна.

Будет месть за красу твою, дочь,
За несчастья, чья тяжесть невмочь,
Но не будет живого – помочь,
А мне скажут: "Тише, ты: ночь!"

2

1. Песнь лжи

Домам суждено рухнуть,
Не век суждено им стоять.
Глазам суждено потухнуть,
Не век суждено им сиять.
Старый вновь молодость не обретёт,
Тот, кто проснулся, вовек не заснёт.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Радость – пасть в битве на равных,
Горе – жить, подлость терпя.
Радость – спросить: кто враг мне?
Горе – спросить: кто судья?
Счастлив, кому уже больше не встать,
Горе бежавшим: вовек им не спать.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Луна с солнцем сгинут не скоро,
А наши дни сочтены.
Кружит над отцами ворон,
И будут рабами сыны.
Отец: Я бы в сыне продолжил путь.
Сын: Мне б, как тебе, навсегда уснуть.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Сильны дикари, злобны были.
Стал за ночь наш брат стариком.
До вечера в грудь его били
И в спину до у́тра потом.
А утром он лёг, чтоб не встать никогда.

И видевший это уснёт навсегда.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

2. Песнь радости глаз

[9]

Пришла злоба издалека,
И готовит страх засаду.
Ночь, - сказали, - будет горька.
Дню, - сказали, - не будешь рада.

Злоба зрела и страх не спал,
Строят козни, чуть утро встало.
Их сломить тебя Бог создал,
И снести их силы дал Он.

В этом доме, чей крах недалёк,
Ты к субботе чепцом косы скрыла.
Каждый в комнате нищей скребёшь уголок,
Пока стены стоят и стропила.

О желанная вечная мать
Всех живых, предназначенных тленью!
Ты поставлена грань охранять
Между жизнью и вечным забвеньем.

Тебя жажду всем телом, душой.
Но к тебе устремлён напрасно.
И беззвучно порхает твой смех надо мной.
Я, глухой, его слышу ясно.

Да, я знаю, настанет пора,
Будешь сломлена этой бедою.
И сотрут твою радость, и скажут: "Пора!"
Но пока радость глаз со мною.

3. Песнь света

Опасности нет ничего ясней.
Лицо твоё открыто ей судьбою.
И каждая душа в свой срок между ножей
Лицо врага увидит пред собою.

Блажен, кто в доме взгляд мог видеть гордый твой,
Где траур и опасности повсюду.
Я потерял тебя, но, как арфист слепой,
Плутать в тебе, ликуя, долго буду.

Как нож в руке твоей сверкает!
Так в бронзе свеч огонь играет.
Ты, как невеста в цвете дней, -
В наряде, скроенном с размахом
Несчастьем дня, вечерним страхом,
Как для веселья и гостей.

Но и, когда под звон браслетов,
Смеясь, плясала ты для нас,
Рождая хор похвал, приветов,
Среди друзей, в потоках света,
Ведь каждый раз, ведь каждый раз,
Как птица мчит, к гнезду спеша,
О дочь, о дочь!
Искала нож твоя душа,
О дочь, о дочь!

Конец твой близок. Имени лишён,
Он смотрит, непреклонный, цепким глазом.
Как профиль царский на монете, он
На вехах твоей жизни виден сразу.

Жизнь на краю полна, сильнее человек.
Открыто всё, вся паутина в клочья!
На острие ножа нам не стареть вовек.
Как он, сияет твоя юность, дочка.

Как нож в руке твоей сверкает!
Так в бронзе свеч огонь играет.
Так ждёт невеста жениха.
Так в зеркале в лучах заката,
Как пред мечом стоишь одна ты
В сиянье глаз и их греха.

Ты сердцу не даёшь пророчить
Что сбудется – пусть не сейчас,
Но ощутимо ясно очень,
Хотя не видимо воочию.
И в этот раз, и каждый раз,
Как птица мчит, к гнезду спеша,
О дочь, о дочь!
Всё ищет нож твоя душа,
О дочь, о дочь!

4. Песнь пляски

Я косу твою сжав, с силой буду держать.
Я связал тебя прочно с собою.
Силой духа заставлю стонать и рыдать,
Изогнув твоё тело дугою. [10]

Как свет дня, промелькнёт смутно образ мой вдруг,
И ты, в страхе застыв глубоком,
Материнских почувствуешь силу рук,
Словно ветка в руках потока.

Когда в комнате бедной ты стул мой взяла,
Когда пыль с моего ты стираешь стола,
В мелочах ежедневных и ночью поздно
Любовь коршуна кличет и кличет грозно.
Её в целом и в доле любой есть следы,
И, как чудо, редка, и обычней еды.
Дочь, приди! Зарасти не может дорога
От коршуна к твоему порогу!
Приходи! Целый день бы смотрел,
Как чепец твой красив, фартук бел,
И спокойны глаза озорные,
Как серебряный шекель, большие...
Приходи! Нет другой, ты – одна.
Приходи! Как, сестра, ты бедна!..
Перед тем, кто страшен
И нищ,
Со свечой горящей
Склонись.
Чтобы в скорби своей
Был жесток,
Воспевай,
Пока тёмен восток.

Чтоб, как хлеб бы полёг
В суховей,
До косы тебя сжёг,
До костей.

Ты отринута, я – покров твой.
Позови лишь - объятья открою,
И рыдать будет вместе со мной
Твоё тело, согнувшись дугою.

"Где ты?" – всюду мой слышишь вопрос,
И душа твоя замерла в счастье,
Ведь, как бедность, к тебе я давно уж прирос,
И знаком много лет, как несчастье.

Бог – свидетель, и ты не могла б отрицать:
Прах мой жив под твоими ногами.
Ложь пыталась тебя от меня оторвать,
Но я здесь, это знаем сами.

Тёмным вечером в комнате бедной твоей
Путь мой – красная нить от окна до дверей.
И из всех уголков, за стеной любою,
Слышишь, коршун взывает к тебе с любовью.
Если с ветром, и с бурей приду, и с дождём,
Словно дверь, задрожав, ты откроешь мне дом.
И под шторы полёт от окна до порога
Меж тобою и коршуном ляжет дорога.
Приходи! Целый день бы смотрел,
Как чепец твой красив, фартук бел.
Приходи, глаз твоих нет краше,
Под напев парной пляски нашей.
Приходи! Нет другой, ты – одна.
Приходи! Как, сестра, ты бедна!..
И направь свечу свою
В ночь,
Чтоб я видел красу твою,

Дочь.
Она, дом освещая,
Горит
И, свечою сгорая,
Царит.
Скорбь её будет бить
Без конца
И живого слепить
Мертвеца.

Я – свидетель, не смей отрицать:
По живому ступаешь ногами.
Ложь пыталась тебя оторвать,
Но я здесь, это знаем сами.

3

1. Бубен

В будни большая улица бьёт
В бубны большие весь день напролёт. [11]

Кончилось лето, черёд за зимой –
Улица в бубен колотит большой.

Старость уходит, а юность цветёт –
Улица в бубен без устали бьёт.

Толпы служанок и отблеск костров
Гулом мне бубен напомнить готов.

*

Где вы, те бубны? И улицы нет.
Где вы, те будни? Где зимы тех лет?

Листья, опав, улетели давно.
Лето, зима ль, бубен, мне всё равно.

Девушки, что расцветали в те дни,
Как далеки нынче, бубен, они!

Были бедны мы, нельзя быть бедней,
Но не забудется радость тех дней.

2. Пришелец помнит своих друзей

И стоял против друга друг,
Но исчезло лицо пред ним,
Потому что три камня вдруг
Стали памятником одним.

Ведь давно было ясно мне:
Там, где нет костра и свечей,
Под тремя камнями во тьме
Буду памятью жить друзей.

Ночью встав во тьме средь могил,
Вижу: камни глядят на меня,
Но не город я вспомню, где жил, [12]
Лишь друзей своих имена.

Кто тут грудой камней отмечен?
Тот, кто в дружбе был камня крепче.
Почему средь мёртвых без друга?
Болен он неживых недугом.
Нет недуга того страшней,
И о нем молчал средь друзей.
Но друзья знали всё наперёд:
Никогда он других не найдёт.
Кто тут грудой камней отмечен?
Тот, кто в дружбе был камня крепче.

Им безмолвно земля могил
Запретила по камню стучать,
Но во мне, хоть лицо прикрыл,
Продолжал их голос звучать.

Скалит дружба волчицей пасть.
Чем её, друзья, накормить?
Ведь живых скромнейшую страсть
Не насытить здесь, не смирить.

И молчанье вселенной всей
Морем слов наполнилось вдруг.
Боже, дай увидеть друзей,
Гору сбрось с неподвижных рук!

Кто встаёт из-под камня ночью?
Тот, кто в дружбе был камнем прочным.
И к кому он теперь устремлён?
Господин, лишь друзей ищет он.
Их по имени может назвать
И на пальцах руки сосчитать.
Тонкой нитью к ним сердцем влеком,
И их дружба висит ни на чём...
Кто встаёт из-под камня ночью?
Тот, кто в дружбе был камнем прочным.

Нам любовь отцов – тяжкий груз,
Жён любовь на крови стоит.
Дружба как плетёт путы уз?
Что за чувство, где корень скрыт?

Нам её потерять нельзя,
И на нас её знак клеймом.
Знак союза. Да будут друзья,
Туча в небе и почвы ком!

С вами радость готов я делить.
Полечу к вам, случись беда.
Мне, друзья, не дайте остыть.
Дружба, не остывай никогда!

Из-под камня кто молвил слово?

Он, для друга на всё готовый.
А друзья что сказали в ответ?
Вот слова, что сказали в ответ:
"Не смогли разделить нас года,
Не смогли и зависть с бедой.
Не разделит нас никогда
Холм камней, что срослись над тобой."
И сказал: "И беда не беда мне!"
Тот, кто в дружбе был крепче камня.

3. Прогулка на ветру

Ветер в поле помчится, траву теребя.
Закричу: "Ветер, ветер снаружи!"
И тогда наша радость проснётся, друзья,
И по ветру наш хохот закружит.

Напрягу свои чувства, как лучник свой лук,
Вы без слов их поймёте в минуту –
Чувства, чувства без имени явятся вдруг,
Разрывая материи путы.

Я тихонько коснусь ваших согнутых спин,
Закричу: "Ветер, ветер снаружи!"
Подмигну, и, когда засмеётся один,
Смех наш общий по ветру закружит.

Вспомним ссор наших прежних и шуток накал,
И слова – что всерьёз, что впустую,
И раздор (он, как кот, иногда пробегал),
Нашу дружбу тех лет непростую.

Каждый был не как все, сам себе голова,
Но прощали не раз и немало
Ради дружбы, что в равенстве только жива
И на разнице вкусов мужала.

Вспомним всё, что видали – вразброс и подряд,
Вспомним ту, что любили когда-то.
Как тайник ювелира, темнел её взгляд,
Но блестел, обещаньем богатый.

Мы по-доброму вспомним всё это, не зло.
Даже зло мы припомним без злобы.

То, что было, то было, что было – прошло
Или быть так, как помним, могло бы.

Я коснусь вас ещё раз спиной иль плечом,
Если ветер начнёт вдруг буянить.
Мы, друзья, поглядим друг на друга ещё.
Как в скрижаль, вы мне врезаны в память.

4

1. Сказ о глупом и мудром

Ещё будут судить - рассуждать,
Старый сказ повторяя не наспех,
Как смогла глупость притчею стать,
И как мудрость подняли на смех.

Скажут: В день, когда враг подступил,
Мудрый хитростью ум заострил.
Для глупца глупость - помощь давно,
Но обоих постигло одно. [13]

Как щадит солнце путника в поле,
Мудрость мудрых щадит в горькой доле.
И решил мудрый: "Буду умнее,
Я с врагом поладить сумею.
Я с приветом приму,
Приоткрою суму.
Как дурак, стану жить.
Пронесёт, может быть.
...Но, как он, покорился судьбе я."

Как голубка птенцов прикрывает,
Глупость глупых своих защищает.
"Я сдурил." - Дурачок признался. -
"Когда враг подступил, опасался,
Взвесил с разных сторон
И решил: это – сон.
Лёг в кровать и застыл.
Я, как мудрый, сглупил
...И среди мудрецов оказался."

Ещё будут судить - рассуждать,
Старый сказ повторяя при всех,

Как смогла наша жизнь притчей стать
И как смерть наша вызвала смех.

И, как солнца пощада не вечна,
Мудрость мудрых погубит, конечно.
Как голубка оплачет птенца,
Глупость тоже оплачет глупца.

Пусть живой, если жив будет, вспомнит не раз,
Чем о глупом и мудром закончился сказ.

2. Куда девать стыд?

Есть выжить шанс живым, забытым полегчать
Вдруг может... но вопрос: куда нам стыд девать?

Приблизься, мой позор, твоею лирой буду.
Как другом юности ты был мне, не забуду,
Когда, как язва, в плоть мою проникнуть смог,
И как со мной старел и в гроб со мною лёг.

Стыд нищеты! Наряд изношенный на мне
Не скрою от тебя и под землёй во тьме.
И стыд спины – над ней я власть ударам дал,
Его теперь не скрыть мне ни в какой подвал.
Стыд страха, слабость рук беспомощных и речь –
Ложь, лесть, мольбы – и всё, чтоб шкуру уберечь.
И стыд обид, что нам написан на роду
И, что всего страшней, привычка ко стыду...
Ты – плод моих трудов и дом на склоне дней,
Всей моей жизни стыд и смерти стыд моей.
Но и, став прахом, я
Не скроюсь от тебя.
Хоть камнем в бездны ночь -
И там спастись невмочь.

И потому без сна на страже я лежу
И, вспомнив беды все и стыд, я так скажу:

Есть выжить шанс живым, забытым полегчать
Вдруг может... Будут вновь они весну встречать,
Но вот вопрос: куда, куда нам стыд девать?

Ты тысячи людей, позор, клеймом клеймишь,
В их спины плёткой вбит и в их рубцах горишь!

За глупостью сует идут – слепцы – всегда.
Укрой их, чтоб никто не видел их стыда!

И сильные, приняв смех молча на себя,
Не скроются в глуби трясины от тебя.

И тем, кто в миску супа скрылся с головой,
В похлёбке от тебя стыд не упрятать свой.
И стыд тем мудрецам, кто ложь не распознал,
Тем, кому нет числа, но кто добычей стал,
Кто скошен без труда, угрозе уступил!
Позор, ты сыт уже? Ты жажду утолил?
Ты – наших жизней стыд и наших стыд смертей,
Ты – всё, что есть ещё и что могил верней.
Когда ж не станет дня
И сгинет тень твоя?
Где голову склонить,
Чтоб ты не стал клеймить?

И потому лежим на страже мы без сна
И скажем, вспомнив всё, чем жизнь была полна:

Есть выжить шанс живым, забытым полегчать
Вдруг может... Будут вновь они весну встречать.
И будут вновь скорбеть и свадьбы вновь играть,
Но вот вопрос: куда, куда нам стыд девать?

3. Предатель

- Мы дух испускаем. - Промолвили павшие.
- Мы силы теряем. – Шептали ослабшие.
Но тот, кто виновен был, промолчал,
И тот, кто сбежал, не сказал: "Предал."

Достиг края поля предатель-беглец.
Шлёт камень в него не живой, а мертвец.

Он замер на миг,
И камень настиг.
Повернул лицо –
И камень в лицо.
Вскричал бегущий: Кто в поле со мной?
Ответил метнувший: Я в поле с тобой.

И предатель сказал: Возвратись на покой!
Бог праведен был, суд верша над тобой.

Когда за стеной взывали, крича,
Стыдливо молчал ты без сил.
Твой брат умирал в руках палача,
Ты ж руками уши закрыл.

Ты семь раз предал, опозорив отца.
Рот раскрыл, моего не стесняясь лица.
Ты мне страшен, и с поля хочу я бежать,
Но кровь начала мне глаза застилать.

Кто скажет: безгрешным пропал я?
Кто скажет: не дрогнув, упал я?
Виновный шепнёт:"Я в ответе!"
"Я предал! - предатель ответит. -

Я долг свой забыл, не исполнил.
И слова со страху не молвил."

5

1. Песнь упокоения

Ты в тревоге сейчас, но клянусь у окна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена!

Ты откроешь окно. Вся – покой, не узнать!
Люльки ветер начнёт и висящих качать.
Скажет ветер: "Привет, вожаки и стада!"
Запоёт хор девичий песнь скорби тогда:
"Заплетаем мы косы, утих ветерок.
Как сегодняшний вечер хорош, видит Бог.
Мы померкнем с вечером вместе,
Но пока продолжаем песню."

Ты в тревоге и в горе, но видеть должна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена.

Мы гадаем без слов: кто покой обретёт,
Кто растерзан умрёт, кого пламя сожжёт,
Кто окажется вдруг одинок, о судьбе
Не решаясь от страха сказать сам себе.
Но рассеялся в мыслях твоих мрак тревог.
Как сегодняшний вечер хорош, видит Бог.
Вместе с вечером меркнем мы тоже,
И уже мы на ночь похожи.

Не ждала. Не молила. Но видеть должна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена.

И коснётся тебя молча Радость слегка,
И уже поседел завиток у виска.
Будешь счастлива ты, словно ночь, побледнев,
Та, в которой лишь месяц и скорбный напев.
Скажешь: "Муж мой в лохмотьях ступил на порог.

Я любимому мужу жена, видит Бог.
Посмотрю и покроюсь тьмою.
Зубы стисну, не вскрикну, не взвою."

2. Когда видящих скроет тьма

Когда тьма их коснётся глаза,
Все их беды сотрутся разом.
Когда видящий видеть не будет,
Все несчастья сразу забудет. [14]
Мы придём – никого не боимся.
Успокоимся, осветимся.
Поведём речи тайные страстно
О земле необъятной прекрасной.
И числом мы – песок в пустыне.
Праху нашему – мир отныне.

И, чем кладбища будут краше,
Легче беды забудутся наши.
Мы, нежданные, жаждем покоя,
И сердца прорастут травою.
Мы смешаемся с известью, с солью,
И проступим из яблока доли.
И забудем чему нет забвенья,
И простим всё, чему нет прощенья.
Когда топчущий скажет: ступаю!
То ответит наш прах: прощаю.

Как в литавры, мои кости бьются
Не о видевших, тьмою укрытых:
Морем слёз мои кости прольются,
Морем слёз о несчастьях забытых.
Тогда скажут: "Забудьте про боли!
Да не будут помянуты боле!
Жизни – да, - они скажут, - нет – смерти!"
Скажет так бить готовый до смерти.
И, когда ты шепнёшь: "Забудь, гость мой!",
Как в литавры, ударят кости.

О жена, друг, что всех милее!
Будет горше день, ночь больнее,
Но, когда дни молчанья настанут,
Из сердец наших травы не встанут.
В гроздьях, в дольках плодов да не будем,
Не украсим царское блюдо! [15]
Не забудем чему нет забвенья,
Не простим то, чему нет прощенья!
Мы клянёмся, и пусть нас не судят:
Праху нашему мира не будет.

3. Молитва о мести

Днём, ночью писал кнут, макаясь в кровь,
А спины упавших листами служили.
Но сбитый кнутом будет счастлив вновь,
Коль вернётся он тьмой саранчи иль пыли.

Мертвецу не страшны ни топор, ни свинец.
Палкой выгнанный псом вернётся,
Будет бит, опозорен, враг скажет: "Мертвец",
И глумясь от него отвернётся.

Его гонит, как плетью, страх,
От зажжённой спички бежит
На соломенных он ногах,
Голос рваной бумагой шуршит.

И воззвал он: "Встань рядом, и примем мой бой!
Посмотри, как смеётся наш враг надо мной.
Не оставь, не шепчи мне: "Лежи, сын, лежи..."
Ты же видишь, обиды горьки и свежи.
Не забудь, что досталось рабу Твоему.
То, что сделали сто, не забудь одному.
Желанен Тебе гнев обёрнутых в тлен,
Бог мёртвых, будь благословен!

Рот мой прахом забит, я врагу – для смешка.
Неба стал я старее вдруг вдвое.
Ненависть дай мне серее мешка,
Тяжелей, чем снесли бы двое.

К посрамившим меня неживым выйду я,
Будут полной луной им светить мои мощи.
Враг в ущелье и в роще топтал меня,

Буду гнаться за ним и в ущелье, и в роще.

Чтобы из лесу смог лесоруб подтвердить,
Чтоб увидеть могли зверь и гад,
Что не смертью желал Ты раба умертвить,
А чтоб смог саранчой вернуться назад.

Встань! Прими этот бой, дай стоять до конца!
Кровь раба Твоего здесь взывает к Тебе.
Отче, встань! Отче, бей! Исполняй долг отца!
И обидам раба Твоего есть предел.
Ведь о чём Тебя просит, Всевышний, раб Твой?
Лишь до горла врагов дотянуться рукой.
Чтобы дал Ты проникнуть ему в стан врагов
И во тьме дотянуться до глаз, до зрачков.
Ибо скорбь тяжела его, сердце темно,
Ведь на чёрной земле они били его.
И, заплёван совсем,
Целый день глух и нем,
Он не мог пить и есть
И решил: "Будет месть!"
Чтоб отпраздновать месть, всё отдаст отныне,
Пусть лишь глазом одним сможет зреть святыни.
Несказанная радость зальёт его грудь.
Да не будет приказ Твой: "Прости и забудь!"
Не забудь, что досталось рабу Твоему.
То, что сделали сто, не забудь одному.
Желанен Тебе гнев обёрнутых в тлен,
Бог мёртвых, будь благословен!

4. Заклинание

Он хлеб мой осквернил, жизнь отравил до дна,
Мне кости раздробил. Он предо мной, вглядись:
Хлеб пышен у него, жизнь, как река, полна,
Костям его нет бед. Явись, Господь, явись!

Явись, Господь, явись! Он предо мной, он здесь.
Дай мне его живым: я им живой был бит.
Нет места в чаше бед, и дом разрушен весь.
Дай мне его живым! Как ненависть горит!

Взял, судей подкупив, что я добыл трудом.
Сказал: "Пришёл резник!", и я в крови поник.
И нет ему судьи, плоды труда при нём,
А где найдётся, мать, и на него резник?

Я матерью клянусь: он весь в крови моей.
Пусть будет жив до срока. Им живой я бит.
Молись, мать, чтобы он был цел, живых живей,
Пока не встану. Мой он! Ненависть горит!

Моих всех братьев он повесил на суках –
На дубе, на сосне, на липе у пруда.
Работал до темна, до ломоты в руках
И, кончив, он сказал: "Да будет так всегда!"

Сказал: "Да будет так!" и среди них стоял
Живой, каким пытал их. И сейчас стоит.
И не сгорел в огне, и в бездну не упал.
Он – мой и братьев всех. Пусть ненависть сгорит!

5. Подполье

Мы живём у всех под ногами,
И над нами толща земная.
Мы сильны, обросли волосами. [16]
Нас связяла клятва святая.

О земля наша, отчее поле!
Ты оружье хранила для нас.
Знака лишь ожидает подполье,
Под землёй не смыкая глаз. [17]

Братья, братья родные, каждый,
В ком душа жива после мук,
Братья, братья родные, каждый,
У кого целы пальцы рук,
Готовьтесь, готовьтесь, внимая,

Боевой клич ворвётся, взывая,
Отзовётся во рту вкусом терпким,
И тростник станет лесом крепким.
Клича грозного с хрипом до боли
Ожидает во тьме подполье.

И, куда бы ни шёл враг, мы видим.
Глаз не сводим, внимания полных.
Ни на миг не теряем из виду.
Так за солнцем следит подсолнух.

Если скрылся за дверью закрытой,
Мы у ног его тенью лежим,
Смертным зельем в стакан залиты
И в ушко иголки глядим.

Братья, братья родные, кто может,
В ком душа жива после мук,
Хоть содрали ремнями кожу,
Пальцы вырвали ног и рук,
Готовьтесь, готовьтесь драться,
Костыли отбросив, подняться.
Вы расстанетесь с костылями,
Бог увечных поднимется с вами.
Клича грозного с хрипом до боли
Ожидает во тьме подполье.

Мы со многим, что знали, расстались
Ради мысли одной неизменной,
И расскажут детям, как дрались,
Головою тараня стены.

День свободы! Мечты наши зыбки.
Не дождавшись, падём в боях,
Но блеснём белозубой улыбкой,
Как белеют кости в песках.

Братья, братья родные, каждый,
В ком душа жива после мук,
Встанем вместе с Могучим! Однажды
Пальцы вырастут ног и рук!
Готовьтесь, готовьтесь, внимая,
Ибо страх врага пробирает,
Ибо враг дрожать начинает,
Ибо время, как свечка, тает.
Клич ворвётся, как смерч, в город с воли,
И готово к кличу подполье.

6

1. Песнь знамений

Как будто пред смертью, усевшись на сук,
Кричала сова без умолку.
Из рук твоих выпало зеркало вдруг.
И платье порвалось (так в трауре рвут).
Ты села зашить, не уняв дрожи рук,
Но кровью покрылась иголка.

Ты приметам недобрым не верь.
Пусть погаснут в глазах твоих страхи.
Время добрым знаменьям теперь.
Радость вновь постучит в чью-то дверь...
Только это – мучителям знаки.

И если псы, о дочь, завыли здесь,
Наверно, появился ангел здесь,
И если появился ангел здесь,
Оплакан, значит, будет кто-то здесь.

Небеса засияют, дочь.
И глаза засверкают, дочь.
И года пронесутся, дочь.
Будут помнить их долго, дочь.
И знаменья увидят вдруг,
И недаром на небе круг,
Бедняки возликуют вокруг:
Где-то слышен Радости стук!

Так печальна ты, словно узнала сейчас,
Что ещё раз мне смерть угрожает.
Хоть, как мёртвый, без снов сплю, и свет мой угас,
В страшном сне вдруг почуял последний твой час.
И, очнувшись, я вижу: ухмылка у глаз,

И иголку кровь покрывает.

Нам с тобой язык ясен примет:
Предвещают, что с нами случится.
Ничего в них хорошего нет,
Лишь несчастий нам ждать от примет,
А к мучителям радость стучится.

И если псы, о дочь, завыли здесь,
Наверно появился ангел здесь,
И если появился ангел здесь,
Подобные тебе погибнут здесь.

Собери свои силы, дочь.
До конца, до могилы, дочь.
Много бед ещё ждёт нас, дочь.
И последний он, знак нам, дочь.
Ты до дна выпьешь чашу потерь.
Наша доля в знаменьях, поверь.
Будь же стойкой, родная, теперь!
Нет, не Радость стучится в дверь.

2. Кончина отца

Вот отец твой. В железной кровати. Вокруг
Темень ночи, и нет никого.
Крепок, словно железо. Не вытянет рук,
Но сознание ясно его.

Он и в бездне страданий, истаявший весь,
Ждёт тебя, за тобою следит
И, когда ты подходишь: "Отец мой, я здесь!" –
На тебя, усмехаясь, глядит.

Спазм удушья уже его речи лишил, [18]
Но, измотанный и немой,
Взгляд живых ещё глаз на тебя устремил –
Как будто коснулся рукой.

Потому что близка беда, горше всех бед.
Вот за горло взяла, за язык.
И движутся губы отца мысли вслед,
Но звук сквозь них не проник.

Крепок духом, а с болью нет сил совладать,
Тело быстро слабеет в борьбе.
Как спокойно лицо! Пока может дышать,
Остаётся верен себе.

И сейчас, когда время минуты считать,
Его мыслям не ведом покой.
Ведь обычай отцов – жить в тревоге, решать,
Видеть завтрашний день пред собой.

Их не сломит ничто – ни несчастье, ни боль.
Речь мужчины, отца – смысл их слов.

В этом суть всей их жизненной силы. Как моль,
Она въелась в поступки отцов.

Даже вырван из сотни, один встретит рать.
Не смирившись, на землю падёт.
Тяжело, тяжело отцам умирать,
Их, как дуб, топор не берёт.

Дочь, скажи, что тоскуешь, не знаешь, как быть.
Это – час его. Встреть взгляд отца.
Надо просто всегда обо всём говорить.
И о смерти. Не ради словца.

Хворь склонилась к его напряжённым глазам.
Мастер ужасов с делом знаком.
Разбирает по косточкам ткань, по частям,
Клетку к клетке кладёт рядком.

Не боится отец, не дрожит пред судьбой,
Даже бровью не поведёт.
Так в упорном молчанье последний бой
Опрокинутый навзничь ведёт.

Даже если он нем, и остра боль, как нож,
Когда видит: приблизилась дочь,
Ему кажется, ты, ты на помощь зовёшь,
И он должен тебе помочь.

Это древний обычай отцов и их путь,
Это клятва меж ним и тобой.
Ты запомни её. О другом позабудь,
Но на н е й пусть сын вырастет твой.

Отец облаком снова всплывёт из глубин
(Вспомнишь в день, как настанет твой суд)
Сердцем любящий, телом болящий – один
В этом мире, где все предают.

Расстаётесь. Ещё один взгляд. До конца
Был так ясен зрачков этих свет.
Но отец не умрёт: нет конца для отца,
Он живым уйдёт на тот свет.

Вот погасли глаза, тень коснулась лица.
Плачь, он брата и друга был ближе.
Неподвижны, немы губы отца,
Но он будет ещё услышан.

3. На земле камней

Я именем того, кто вечно в памяти твоей,
И именем Того, кто взял его, Велик и Свят,
Заклял тебя: как враг придёт, будь всех сильней,
Огонь, и лёд , и страх преодолей,
Будь цепче, чем репей, живучее стократ.

Наш слабый корень вырван, вновь не прорастёт,
И плод наш сохнет, жаждет ливня он.
Но не сомнёт рука его и зуб не разгрызёт,
Семь раз растоптан будет, но не пропадёт.
И, - пусть не слышат, - прозвучит: "Силён!"

Мы нищи, ничего у нас с тобою нет.
Ни званьем, ни величьем не блестим.
Когда мы будем, серые от бед,
На прахе перед Ним держать ответ,
Прикроешь сына фартуком своим.

Такою ты восстанешь для суда
Там, где ни дерева, ни трав – в стране камней:
Красу твою смели преступные года,
Не озаряла радость взор твой никогда,
Но страхов всех спокойствие сильней.

И, стоя в той стране перед Отцом,
Тогда ты скажешь, серая лицом:

Мой Бог, твоя раба перед Тобой –
Творение Твоё и образ Твой.
Ни званий, ни величья – жалкий вид,
И рядом сын передником прикрыт.

Ни жалости не просит (кто ж жалел!),
Ни утешения (кто ж утешать хотел!).
Не просит смерти, жизнью дорожит,
Живая в прахе пред Тобой стоит.

Ты только, Милосердный, дай ей сил,
Чтоб не упасть до времени без сил,
Чтоб устоять, где камни и репьё,
Ей с тем, кто скрыт под фартуком её.

7

1. Ночь осады

Враг несёт смерть, издёвку, страх.
Стань у входа, противник идёт!
Стань у входа с оружьем в руках,
Готовься, настал черёд.

В руке рукоять, но, хоть заперт дом,
Не спастись: враг со всех сторон.
Вжалась в стену лицом
(Словно контур резцом)
И надежду из сердца вон!

Пытается враг штурмовать ещё раз,
Но ты, ты испытана жизнью не раз.
В отчаянье видел тебя, но живой.
Отчаянной вижу, готовой на бой.

Увидел и понял: равно остро ждут
И гибель, и праздник, что скоро придут.
Ты вся без изъяна, ты жизнь мне дала.
Сегодня свою жизнь сожжёшь дотла.

Пока немы мечи, взгляд недвижен твой, дочь.
Как в развалинах, прячусь в тебе, глядя в ночь.
Как забыть мне тебя: у меня ты одна!
Как забыть, ты одна лишь загадка всегда.
...Ты стоишь у стены, и не дрогнет рука -
Кто взойдёт на порог, сгинет наверняка.

Я с тобою здесь тоже,
И свидетель пока,
Что нет страха и дрожи,
Что спокойна рука.

Ты, усталая, гонишь сон
И надежду из сердца вон.

Как свеча, город ярким горит огнём.
Осаждённым надежды нет.
Уготован пепел всем тем, кто в нём,
Но не гаснет прозрения свет.

Вестник в город пробрался во тьме ночной,
Весть благую принёс им он:
Великим спасеньем
Закончится бой,
Но ваш жребий, увы, предрешён.

Пытается враг штурмовать ещё раз,
Твои братья испытаны жизнью не раз.
Стоят с оружьем, надежды без,
Стоят, как вражда меж людьми, как лес.

Их силой и бедностью прах наделил,
Но прахом не скроют их ревностный пыл. [19]
Он с ними взращён, и нет в нём изъяна.
Но до срока ни словом коснуться нельзя нам.

И один из них сказал другим:
"Чует сердце, не выйду отсюда живым."
И сказал второй: "Горькой смертью умрём.
Будем призваны ею мы завтра днём."
"Но спасенье грядёт, - сказал третий, - и нас
Призовут ликовать в его радостный час."

Глаза подняли,
И Бог увидал:
Эти страха не знали,
И никто не предал.
Ни предатель, ни страх не отыщутся тут.
Завтра все они смертью умрут.

2. Рассвет

У входа в город столкнулись тела,
Как пламя с соломой – сжигая дотла.
И сильный воскликнул: "Моя взяла!"

Вышел из города старец седой.
Погибшего тело несёт с собой -
К братьям его приобщить за стеной. [20]

Враг ликует: "Солому пламя пожрёт!"
И навстречу металлу город встаёт.
Металл встречает металл у ворот.

Вот второй пошёл и, пронзён, упал.
Но подняться смог. "Повезло!" – сказал...
Пока видел свет, на ногах стоял.

Поднимают братья рядами меч,
Чтоб осаду прорвать и в полях полечь.
Как по брёвнам пила, ходит смерти смерч.

Враг ликует: "Победа! Наша взяла!
Жжёт солому огонь, сталь кромсает тела!"
Твои братья бьют врагов без числа.

3. Город пал

Грозный Отче, творящий, разящий судом! -
Нас для радости светлой создал Он. -
В этом городе, гибнущем двор за двором,
Грозный Отче, создавший нас всех, чтоб потом...
Мы ликуем. Смотри, нас не стало!

Мы ликуем, да будет рассвет!
Это гибели радость. Светает.
Это старая радость, другой у нас нет.
Братья! Может сегодня, раз в тысячу лет
Наша смерть некий смысл обретает.

Братья, братья мои! В этот раз, может быть!
(Твои братья "Аминь!" отвечают)
О земля, о земля, где нам выпало жить,
Если э т о ты сможешь предать и забыть,
Пусть все дни твои смеха не знают!

Пусть навеки забудет веселье тебя, [21]
Будь, как солнцем, стыдом сожжена ты!
Вышел пахарь с утра на печали поля, [22]
И спросил его друг: "Это что за земля?"
И ответил: "Земля растраты."

Грозный Отче творящий! Пылает огнём,
Как свеча, тает город наш – двор за двором.
То конец, дочь, настал. Радость, горе, война –
Слава вам! Слава счастью, что ты лишена!
Может, высшее счастье ждёт всех нас в конце:
Счастлив не осаждавший, а тот, кто в кольце.
Счастлив червь – презираем, ограблен, больной,
Окружён, уничтожен, запахан землёй –

Начинает с начала, не забыл ничего.
Нет покоя ему, смерти нет на него.
Приговор был строг:
Утопить в крови,
А зверей всех бог
Повелел: живи!
Ты упала без сил, телом сына прикрыв,
Чтобы был до спасенья великого жив.

4. Заключение

Я паду на лицо твоё:
Смерть, быть может, спряталась где-то.
Ты лежишь – ужас, горе моё! –
В маску мрака лицо одето.
Дочь, проснись, мы сильны вдвоём!
Смерть есть ложь, подтверди мне это!

Дочь, спасенье придёт всё равно.
Велико! Мы увидим сами.
Жизнь разбита, но ложь, что оно
Безвозвратно потеряно нами. [23]
Верю: враг обречён давно.
Ты увидишь своими глазами.

Жив детёныш единственный твой,
Что зубами из рук вырывала.
Сын живой, повторяй за мной:
Я хочу, чтобы мать моя встала!
Боже дочери, Боже мой,
Рви речь траура, радость настала!

Дочь, мы отдали всё для побед,
Для спасенья – в нём есть наша доля.
Даже мысли о мести в нас нет –
Далека, как далёк смех от боли,
Как смех юных, не ведавших бед,
От величия праздника воли.

Братьев вставших услышишь привет.
Ты не зря надрывалась, старея.
Сын отмерит в конце твоих лет
Тебе ложе в земле евреев.

Нет, не всё суета сует,
Нет, не всё, говорю тебе я.

---

notes

Примечания

1

2

"Сион, ... я лира для твоих песен". Иегуда Галеви (ок.1075-1141) – еврейский поэт и философ, живший в Испании. Игрой на лире сопровождались празднества и хвалебные речи (ТАНАХ, Пророки, Псалмы, 33,2 и др.)

3

В оригинале обыгрывается одинаковое написание в иврите слов "сон, мечта" и "здоровый, сильный" (обычно о душе). Но, вероятно, Альтерман, говоря о Радости "здорова(сильна), как месть, и больна, как тело", имел в виду известную латинскую пословицу "(только) в здоровом теле здоровый дух", восходящую к выражению из сатиры Ювенала (Mens sana in corpore sano). Альтерман в завуалированной форме отрицает это утверждение – нет, не только! В этом идея всей поэмы: и перед лицом смерти слабый телом должен быть силён духом. (А.Г.)

4

Намёк на притчу о богаче, отнявшем последнюю овечку у бедняка (ТАНАХ, Пророки, Самуил, 21, 1-5).

5

В оригинале "жене юности" – широко применяемое в иврите выражение из пророка Исайи, где говорится об особо тесной связи еврейского народа с его Богом, который не оставит надолго свой избранный народ даже, если тот на время отступится от Его заповедей: "Ибо как жену оставленную и опечаленную духом, призвал тебя Господь, и (как) жену юности, которая была отвергнута, - сказал Бог твой. На малое мгновение оставил Я тебя и с милосердием великим соберу тебя" (ТАНАХ, Пророки, Исайя, 56, 6-8).

6

"Слова Коэлета, сына Давида, царя в Йерушалаиме. Суета сует, - сказал Коэлет, - суета сует, всё суета." (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 1,1). "Коэлет" обычно приписывается царю Соломону.

7

В оригинале "земля союза", заключённого Богом с праотцами еврейского народа, земля обетованная (ТОРА, книга "Ваикра", 26, 42).

8

В древнем Израиле бедный человек во искупление грехов мог принести в жертву двух голубей (ТОРА, книга "Ваикра", 5)

9

Альтерман превращает "радость бедных" в "радость глаз" и по форме, и по смыслу. На иврите слова "бедняки" и "глаза" – почти омонимы: переставлена (или добавлена, при полном написании) лишь одна буква עֲנִיִּים и עֵינַיִם.

10

Если первая глава книги заканчивается просьбой мертвеца о прощении, то вторая – апофеозом ревности, переходящей в экстатическую пляску. Говоря о мертвеце, о духе, Альтерман называет его "страшный и нищий" – аллюзия на библейское выражение "Страшный Всевышний" (ТАНАХ, Писания, Книга псалмов, 47, 3) Мертвец как бы вершит суд по велению Всевышнего. Но в данном случае речь идёт о соблюдении заповеди верности принципам и духовным ценнностям. (А.Г.)

11

В Мишне и Гемаре, трактующих Талмуд, говорится, что большими бубнами пользовались и профессиональные плакальщицы.

12

В оригинале "не город, не холм" (Тель-Авив в переводе "холм весны")

13

"И увидел я, что есть преимущество у мудрости перед глупостью – такое же , как преимущество света перед тьмою. Глаза мудреца – в его голове, а глупый ходит во тьме. Но и то я узнал, что единая участь постигнет всех их." (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 2, 13-14).

14

"Мёртвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, так как память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их давно исчезли, и доли нет им более вовеки ни в чём, что делается под солнцем." (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 9, 6)

15

Выше было сказано: "И проступим из яблока доли", т.е. на праздничной трапезе победителей проступим соком на дольках яблок.

А, может быть, это намёк на участь, ожидающую царя: в ТАНАХе (Пророки, Йеошуа, 12,18) написано, что евреи, вернувшись из египетского рабства на Землю обетованную, по велению свыше перебили царей всех городов, которые им сопротивлялись – Иерихона, Хеврона, Шхема и ...Яблока. Сейчас есть перекрёсток дорог с таким же названием. (А.Г.) изм.17.12.12

16

Намёк на библейского богатыря Самсона, который потерял свою силу, данную ему свыше с условием никогда не стричь свои волосы. Филистимляне захватили его обманом, лишили волос и ослепили. Но, по мере того, как волосы его отрастали, сила возвращалась к нему, и он смог обрушить храм на головы врагов. (ТАНАХ, Пророки, Судьи, 16, 19-31). У мёртвых волосы продолжают расти. То, что речь идёт о мёртвых, ясно из предыдущих стихотворений.

17

Альтерман удивительно точно предвидит ситуацию восстания евреев в Варшаве в 1943г., где фашисты сначала лишили евреев всего имущества и прав, загнав в гетто, затем осадили его с целью поголовного истребления всех жителей. В это время в гетто сформировалось подполье для борьбы с немцами – без каких-либо шансов на успех, но с намерением умереть в бою. Одна из руководителей восстания, Цивья Любеткина, осталась в живых и после войны жила в Израиле. Она рассказывала: "Была большая радость, и не важно, что будет потом!" (А.Г.)

Это стихотворение нет нужды воспринимать как пророчество: если представить себе попытку вооружённого сопротивления евреев фашистам, она должна была развиваться и заканчиваться именно так.

18

Отец Натана Альтермана, Ицхак, умер в 1939г. от рака горла.

19

"Всё произошло из праха и всё возвратится в прах" (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 3, 20).

20

Возможно, Альтерман уподобляет гибель осаждённого города разрушению Трои. В "Илиаде" (24,677-699) Гомер повествует, как с помощью бога Гермеса престарелый царь Трои Приам вывез тайком тело своего сына Гектора, убитого Ахиллесом, из стана греков и ни-кто из них его не увидел. Не случайно, в поэме упоминаются лишь два вида оружия – меч и копьё. (А.Г.)

21

Если я забуду тебя, Йерушалаим, пусть забудет (меня) десница моя. Да прилипнет язык мой к нёбу моему... (ТАНАХ, Писания, Книга псалмов, 137).

22

В древности рядом с кладбищем было поле, где оплакивали умерших.

23

Ещё не пропала наша надежда... (Гимн государства Израиль).